

АННА КАРАВАЕВА

**Сакральный Париж в «Соборе
Парижской Богоматери» Виктора Гюго
и «Тайнах Соборов» Фулканелли**

Анна Караваева

**Сакральный Париж в «Соборе
Парижской Богоматери»
Виктора Гюго и «Тайнах
Соборов» Фулканелли**

«Издательские решения»

Караваяева А. Л.

Сакральныи Париж в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго и «Тайнах Соборов» Фулканелли / А. Л. Караваяева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936531-6

Дипломная работа, выполненная на кафедре философии религии и религиоведения Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ISBN 978-5-44-936531-6

© Караваяева А. Л.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
§1. Гюго	8
§2. Фулканелли	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сакральный Париж в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго и «Тайнах Соборов» Фулканелли

Анна Леонидовна Караваева

© Анна Леонидовна Караваева, 2018

ISBN 978-5-4493-6531-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Караваева Анна Леонидовна

**ТЕМА: Сакральный Париж в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго
и «Тайнах Соборов» Фулканелли**

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент Винокуров В. В.

МОСКВА

2010 год

Введение

Читая «Тайну Соборов» Фулканелли, нельзя не заинтересоваться параллелями, которые можно провести между этим трудом и романом «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. В первую очередь, потому что в обоих произведениях важное место занимает сам собор Нотр-Дам.

Кроме того, очевидно, что мы имеем дело с двумя равновеликими фигурами – Гюго как писатель, при жизни ставший легендой, автор едва ли не самых значительных и популярных произведений французской классической литературы и один из основателей французского романтизма; Фулканелли – как автор важнейших, интереснейших и понятнейших произведений алхимии двадцатого века, реальная биография которого неизвестна никому.

Интерес также вызывает тот факт, что один из главных героев романа Гюго – алхимик Клод Фролло, для которого география Парижа во многом совпадает с географией книги Фулканелли – он так же изучает рельефы собора Нотр-Дам, так же следует по местам, связанным с биографией Николя Фламея, останавливая взгляд на рельефах арок кладбища Невинных. Впрочем, очевидно, что сам Фулканелли назвал бы отца Клода «суфлёром» («souffleur»), то есть ложным адептом, который стремится совершить Великое Делание, руководствуясь в первую очередь алчностью и честолюбием.

Кроме того, во «Дворе Чудес» («Cour des Miracles»), где собираются бродяги, воры и оборванцы Парижа, в романе называемые «арготинцами», можно найти весьма убедительную иллюстрацию идее Фулканелли об арго как о герметическом языке, используемом философами. Важным достоинством книг Фулканелли, в свете этой идеи, является их доступность широкому кругу читателей, которые могут и не являться искушёнными адептами. «Тайну Соборов» может читать и понимать человек, практически не осведомлённый в герметической символике, желающий завести с ней первое знакомство, и интересующийся французской готической архитектурой. Также, как «Алхимики и Золото» Жака Саду может быть полезно тем, кто из научного интереса желает ознакомиться с биографиями известных алхимиков, так и «Тайна Соборов» (и в меньшей степени «Философские Обитатели») Фулканелли является необходимым произведением для изучающих герметическую символику. Впрочем, это не отменяет необходимости комментариев, в первую очередь культурологических, некоторыми из которых мы пользовались в данной работе, отдавая предпочтение русскоязычным источникам.

Важнейшей точкой соприкосновения романа Гюго и труда Фулканелли являются их концепции готического искусства как расцвета символического творчества человека. У Гюго эта идея наиболее полно выражена в главе «Это убьёт то», где он предлагает рассматривать произведения зодчества до Средневековья как книги, в которых ещё не знавшее книгопечатания, а потому преимущественно, по нынешним представлениям, неграмотное, человечество записывало свои идеи. Гюго только постулирует эту параллель между книгой и зданием, говоря, что рождение первого стало смертью второго. Фулканелли же пытается читать эти «каменные книги» («livres lapidaires»), предлагая нам, часто в форме намёков и туманных указаний, чтобы не разгласить секретов Великого Делания, толкование рельефов, скульптур и витражей, на которые обращает наше внимание Гюго, иногда глазами своего героя Клода Фролло.

Мы также постараемся в первую очередь занять точку зрения отца Клода, потому что именно для таких, как он, в первую очередь, написано произведение Фулканелли. Однако нашей целью ни в коей мере не является выявление секретов магистерия, на которые, туманно или явно намекает Фулканелли. Мы постараемся в первую очередь изучить, каким алхимик видит сакральное пространство Парижа и сравнить его взгляд со взглядом писателя-романтика.

Конечно, в романе «Собор Парижской Богоматери» география Парижа гораздо шире, в главе «Париж с птичьего полёта» описан практически весь город, каким он был в середине XV века, но нас интересует то, что интересовало бы алхимика (или «суфлёра») Клода Фролло, архидьякона Собора Парижской Богоматери.

В связи с этим, мы не будем поддаваться искушению искать герметическую символику в романе Гюго, хотя некоторые исследователи, включая Евгения Головина, автора статьи «Это убьёт то», посвящённой неудачному магистерии отца Клода, а также Олега Фомина, автора комментариев к «Тайне Соборов», предлагают свою трактовку сюжета романа в герметическом ключе.

§1. Гюго

Виктор Мари Гюго родился в городе Безансоне (сейчас департамент Ду на востоке Франции) седьмого вентоза в X год Республики, то есть 26 февраля 1802 года в семье батальонного командира наполеоновской армии Леопольда Сижисбера Гюго (Léopold Sigisbert Hugo) и Софи Гюго (Sophie Hugo), урождённой Требуше и был самым младшим из трёх сыновей. Старших звали Абель Жозеф (Abel Joseph) (впоследствии известный эссеист) и Эжен Гюго (Eugene Hugo). Первое имя, Виктор, получил в честь друга семьи генерала Виктора Лагори, второе, Мари, в честь крёстной матери.

В детстве много путешествовал вслед за отцом, которого командование направляло в Марсель, на Корсику, на Эльбу, в Италию, в Мадрид. В 1812 семья окончательно утвердятся в Париже, и с 1814 по 1818 год Виктор и Эжен Гюго учатся в лицее Людовика Великого, где впервые Виктор начинает писать. В 1817 году, в возрасте 15 лет он участвует в поэтическом конкурсе на тему «Радость, которую доставляет учение во всех жизненных ситуациях» (Bonheur que procure l'étude dans toutes les situations de la vie), организуемом французской Академией и победить ему помешало только то, что жюри сочло поэта слишком юным, ограничившись только похвальным отзывом.

В 1819 году участвует в конкурсе les Jeux Floraux в Тулузе и получает две премии за свои поэмы. В 1819—1821 издаёт небольшое приложение к роялистскому журналу Шатобриана Le Conservateur (Консерватор), называемое Le Conservateur Litteraire (Литературный Консерватор), где под разными псевдонимами (д'Оверне, Публикола, Петиссо) публикует обзоры выставок и театральные премьеры, критику книжных новинок. В 1821 году также вышел первый его стихотворный сборник, «Оды», за который Луи XVIII назначил юному поэту пенсию в тысячу франков.

Кроме того, в 1818 году Гюго заканчивает своё первое прозаическое произведение, повесть «Бюг Жаргаль» («Bug-Jargal»).

Летом 1821 года после долгой болезни умирает мать Гюго. Последние годы они с мужем жили по отдельности, он – в Блуа в своём поместье, сыновья – с матерью в Париже. Вскоре после её смерти произошла помолвка Виктора с Аделью Фурше, подругой детства, женитьба произошла 12 октября 1822 года. Адель родила ему пять детей: Леопольда (умершего в младенчестве), Леопольдину, Шарля, Франсуа-Виктора, – и была его верной спутницей на протяжении долгих лет.

В течение последующих лет, Виктор Гюго подготавливает, пишет и публикует свой первый роман, «Ган Исландец» («Hap d'Island»). Блестящую критику на роман написал Шарль Нодье, что послужило поводом для сближения писателей и зарождения первого кружка французских романтиков, куда, помимо Гюго и Нодье, вошли А. де Виньи, Сен-Бёв, Сумэ и некоторые другие. Сборник «Новые Оды», вышедший в 1823 году, уже предваряется предисловием Нодье. В 1825 году Гюго, проявлявший себя искренним и истовым, монархистом вместе с Ламартином награждён орденом Почётного Легиона.

В 1827 году выходит драма «Кромвель», предисловие к которой принято называть «манифестом романтизма», объявляющим пять основных принципов романтизма: во-первых, долой книжные правила; во-вторых, героями произведения отныне должны быть не персонажи, а живые люди; в-третьих, долой классические три единства, да здравствует демонстрация событий как они происходят в жизни; в-четвёртых, конкретность обстановки, и, наконец, в-пятых – долой классиков во главе с Буало, да здравствует Шекспир. «Кромвель» – в первую очередь драма для чтения, но не для сцены. Гюго посвящает пьесу своему отцу, отношения с которым постепенно стали налаживаться.

В последующие годы Гюго публикует сборники «Восточные поэмы» («Les Orientales»), «Последний день приговорённого к смерти» («Le dernier jour d'un condamné»), драмы «Марион де Лорм», «Эрнани», «Король Забавляется», «Лукреция Борджиа», «Мария Тюдор», «Рюи Блаз». С выходом в свет этих произведений связан отход Гюго от романтизма по содержанию (но не по средствам, как мы видим в его позднейших произведениях) и концентрация на социально-политических идеях, с чем, возможно, связан сравнительно небольшой успех этих пьес в парижских театрах.

Виктор Гюго собирался приступить к работе над «Собором Парижской Богоматери» в 1829 году, но увлёкся театральными постановками и отложил начало романа на лето 1830 года, дав издателю обещание закончить его к декабрю, в противном случае платить чудовищную неустойку в тысячу франков за каждую просроченную неделю. Позже, срок был передвинут ещё на два месяца в связи с тем, что в Париже в это время бушевали беспорядки.

По свидетельству жены, Адели Гюго, перед началом работы над романом Виктор Гюго «купил огромную бутылку чернил, огромную фуфайку из серой шерсти, укутывавшую его с головы до ног, запер на ключ свою уличную одежду. Чтобы не поддаваться соблазну выйти на улицу, и вошёл в роман как в тюрьму» [3, 345] С тех пор он покидал свой стол только чтобы поесть или поспать, а также для короткой вечерней встречи с друзьями, которым он иногда читал написанное за день. За работой он не чувствовал ни усталости, ни холода, зимой работал с открытыми окнами. Только один раз он покинул свою берлогу – чтобы наблюдать 20 декабря процесс над министрами Карла X.

14 января 1831 года роман был закончен, как и, по словам Адели, бутылка чернил. Гюго даже в шутку предлагал сменить название на «Что содержится в бутылке чернил» («Ce qu'il y a dans une bouteille d'encre»).

Первое издание вышло практически сразу, 13 февраля 1831 года и до 1858 года роман переиздавался семь раз. Вначале критики восприняли роман враждебно, но время показало, насколько он понравился читающей публике всего мира. «Notre-Dame de Paris» был переведён на более чем тридцать языков. Первое русское издание появилось уже в 1832 году – отрывки печатались в журнале «Телескоп», но первый полный перевод был издан только в 1874 году.

Роман также послужил основой для нескольких театральных (оперы, балет, мюзикл), кинематографических и даже анимационных адаптаций.

В 1830х Гюго пишет сборники стихов «Осенние листья» («Les Feuilles d'automne»), «Песни сумерек» («Les Chants du Crépuscule»), ставит несколько пьес, в числе которых «Анджело, тиран Падуанский».

В 1841 он, наконец, избирается во Французскую Академию после нескольких неудачных попыток (1836, 1839, 1840), когда вместо него выбирали писателей, более популярных на тот момент. Примечательно то, что, узнав о выдвижении кандидатуры Гюго, Оноре де Бальзак отказался участвовать в выборах, чтобы не создавать конкуренции. На церемонии приёма в Академию, писатель произносит речь в поддержку конституционной монархии, вместо ожидавшейся речи писателя-романтика.

Примерно в это же время Гюго начинает работу над другим большим произведением, романом «Отверженные», который будет закончен только к 1862 году.

В ходе революции 1848 года Гюго предлагается пост министра народного просвещения, от которого он, однако, отказывается, чтобы через некоторое время быть избранным депутатом Народного Собрания от умеренного крыла. На выборах зимой того же года он, в числе большинства, голосует за избрание президентом Луи Наполеона Бонапарта. Однако в ходе подготовки переворота 1851 года он принимает сторону оппозиции и после декабря 1851, с помощью своей подруги Жюльетты Друэ, отправляется в добровольное изгнание, вначале в Брюссель (до издания памфлета «Наполеон малый» в 1852 году), затем на Джерси.

Изгнанный за критику королевы Британской Виктории с Джерси, в 1855 году отправляется на остров Гернси у северо-западного побережья Франции, где пребывает до 1870 года, своего возвращения во Францию.

В ссылке Гюго много пишет. В 1853 году выходит сборник «Возмездие» («Les Châtiments»), в 1856 – сборник «Созерцания («Les Contemplations»)). Выходит в свет его книга «Вильям Шекспир», посвящённая 300-летию писателя.

В апреле 1860 года Гюго снова принимается за свой самый большой роман – «Отверженных» («Les Misérables»), заключив контракт, согласно которому книга должна была выйти 13 февраля 1861 года, в тридцать первую годовщину выхода «Собора Парижской Богоматери». Однако роман не удаётся закончить к намеченному сроку, и он выходит только 3 апреля 1862 года. Первый тираж раскуплен мгновенно, и сразу же появляются многочисленные отзывы в печати, преимущественно критические. Сразу же начат перевод романа на многие европейские языки, в России его начали печатать сразу в трёх журналах, но цензура приостанавливает публикацию, так как книгу нашли опасной для общественных устоев.

В 1868—1869 году Виктор Гюго пишет «По указу короля», который затем переименовывает в «Человек, который смеётся» («L'homme qui rit»), третий свой известнейший роман.

В сентябре 1870 года, сразу после падения Наполеона III, Гюго возвращается в Париж, где на вокзале его встречает толпа поклонников. Ему снова предлагают пост в правительстве и снова он отказывается, считая, что его вклад в победу в франко-прусской войне (начавшейся в 1870) должен быть другим. Будучи избран в феврале 1871 года в Национальное собрание, он голосует против капитуляции и за продолжение войны. 1871 год писатель проводит в Брюсселе, улаживая дела умершего сына Шарля и оказывая поддержку парижской Коммуне, за что вскорости выслан из страны. В октябре он с семьёй возвращается в Париж, где его кандидатуру дважды отвергают на выборах в Национальное собрание.

В это время начинается работа над последним значительным романом Виктора Гюго – «Девяносто третий год» («Quatrevingt-treize»), повествующем о событиях 1893 года и являющимся завершением размышлений автора о революции. Как и в случае с «Собором Парижской Богоматери», подготовка к роману, чтение исторических документов, книг и свидетельств очевидцев, заняла достаточно долгое время. Вместе с тем, главными действующими лицами романа снова становятся не исторические лица, а вымышленные персонажи, которые, однако, выписаны совершенно правдоподобно.

«Девяносто третий год» завершает трилогию романов о революции, начатую «Отверженными». Вместе с тем, как и в «Соборе Парижской Богоматери» важнейшую роль здесь играет фантастический вымысел и размышления над историей Франции. Однако, по сравнению с романом 1831 года, в «Девяносто третьем году» социальная проблематика занимает гораздо более важное место (впрочем, советские исследователи считают иначе, находя в «Соборе Парижской Богоматери» описания социального протеста и даже гражданского бунта).

В 1876 году Гюго избирают в Сенат, в 1878 году он произносит большую речь на заседании международного съезда литераторов, посвящённом столетию со дня смерти Вольтера.

26 февраля 1881 года, в семьдесят девятый день рождения Гюго, объявлен государственным праздником. Под его окнами в тот день с праздничным шествием прошло около шестисот тысяч человек. В этот день в коллежах и пансионах были отменены наказания, а школьников отпустили домой на выходной.

Гюго умер в возрасте восьмидесяти трёх лет, 22 мая 1885 года, распорядившись отвезти его на кладбище на повозке для бедных и отказываясь от заупокойных служб. Похороны состоялись 1 июня, после церемонии прощания, состоявшейся на площади Этуаль. Огромная толпа (по свидетельствам того времени – до миллиона человек) сопровождала простую повозку до Пантеона, где писатель и был похоронен.

Ознакомившись с биографией Гюго, мы видим, насколько необычен для его творчества роман «Собор Парижской Богоматери», в котором писательского вымысла больше, чем размышлений общественного деятеля. Вместе с тем, очевидно, что в этой книге так же, как и в позднейших его работах, проявляется стремление строить повествование на контрастах, а также серьезная подготовка к написанию исторического романа.

§2. Фулканелли

Если биографий Виктора Гюго написано порядочно, то никаких чётких и однозначных сведений о Фулканелли мы не обнаруживаем.

Известно, что по сообщению его ученика Эжена Канселье, мастер в 1922 году провёл «трансмутацию в присутствии трёх надёжных свидетелей» [16, с.17], затем даровал Канселье две свои работы – «Тайны Соборов» и «Философские Обители», поручив их опубликовать, исчез, чтобы ещё раз появиться в 1952 году. Что любопытно, Канселье приводит дату рождения учителя – 1839 год, а значит, в последнее появление тому должно было быть около 113 лет.

Ни реального имени, ни места рождения, никаких сведений биографического характера, Фулканелли о себе не сообщил, что послужило причиной для многочисленных предположений и спекуляций.

В предисловии к русскому изданию «Тайн Соборов» Владилен Каспаров приводит несколько наиболее распространённых версий того, кем, собственно, на самом деле был этот мастер.

– Согласно Д. Кану, под псевдонимом «Фулканелли» может скрываться сразу несколько человек. В первую очередь – Жюльен Шампань, художник, иллюстрировавший книги Фулканелли.

– Также это мог быть Пьер Дюжоль де Валуа, известный под псевдонимом «Магофон». Владилен Каспаров признаёт некоторое сходство стилей Фулканелли и Дюжоля, но возражает – «зачем человеку два псевдонима?» [16, с.18]

– Коттон Девар (Коттон д'Альвар), член так называемой группы «Бодрствующих».

В книге «Алхимики и Золото» Жак Саду, кроме того, приводит развёрнутое доказательство, почему ни Шампань, ни Канселье не могли быть тем, кого мы называем Фулканелли. Шампань, по его свидетельству, был пьяницей, интриганом и грубияном и не имел ни времени, ни возможностей, ни сил приобрести знания, которыми, несомненно, обладал автор «Тайн Соборов». Канселье же сам по себе был достаточно успешным адептом, а значит, не нуждался в чужой славе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.